

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Ерофеева М.А.

**Между виртуализацией и поворотом к материальному:
акторно-сетевая теория и реляционизм в социологии**

Москва 2016

Аннотация. В данной работе представлены описание и анализ реконфигурации социологической теории в контексте поворота к материальному и исследования процессов виртуализации социальных институтов и практик. Предметом исследования выступает эпистемологическая реконфигурация современной социологии, рассматриваемая как происходящее в современной социологической теории изменение соотношения субстанциалистских и реляционистских исследовательских позиций и практик в обосновании и осуществлении процесса социального познания, и ее импликации для дальнейшего развития социологической теории и практики.

Ерофеева М.А. старший научный сотрудник Центра социологических исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1 Концептуализации виртуальности в акторно-сетевой теории	7
1.1 Виртуальное / актуальное.....	7
1.2 Виртуальное / реальное	17
1.3 Выводы.....	21
Глава 2 Постмодернизм, немодернизм и проблема связи порядков	23
2.1 Перспектива постмодернизма	26
2.2 Перспектива немодернизма.....	34
2.2.1 Б.Латур и проблема гибридов	34
2.2.2 Дж. Ло и проблема потоков	40
2.3 Выводы.....	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	48

ВВЕДЕНИЕ

В современной теоретической социологии наблюдается действие «императива виртуализации» [1]. Актуальные тенденции социальных изменений требуют от социологов обратиться к понятию виртуального или к схожим концептам, подчеркивающим симулятивность, нематериальность, символический характер наблюдаемых взаимодействий. Во-первых, с конца XX века разрабатываются теории виртуализации [2], [3], [4]. Во-вторых, понятие виртуального и его аналоги начинают проникать и в другие теоретические модели. Например, в постмодернистскую теорию Ж. Бодрийяра [5], теорию сетевого общества М. Кастельса [4], теорию глобализации Р. Робертсона [6], теорию общества риска У. Бека [7]. Причиной такого интереса к виртуальности становится прежде всего бурное развитие технологий.

Параллельно в теоретической социологии происходит то, что по аналогии можно было бы назвать «императивом материализации», и по той же причине. Практически любое повседневное взаимодействие сегодня осуществляется с участием большого числа технологий, понимаемых как в буквальном, так и в метафорическом смысле [8]. Поэтому социологи, которые признают правоту Б. Латура в том, что «мы никогда не были нововременными» [9], все еще пребывают в недоумении, на что им теперь обращать внимание: на смартфоны в руках беседующих людей, или на архитектуру здания, в котором происходит взаимодействие, или на всю поддерживающую интеракцию инфраструктуру (транспортную или банковскую)?¹ Слишком много материальных объектов одновременно присутствует во взаимодействии, и социологи начинают описывать социальные практики «как до отказа забытые материальностью» [10].

Одновременное использование различий реального, материального и виртуального, изображаемого можно рассматривать как симптоматичную тенденцию изменения существующей эпистемологической конфигурации социологического

¹ Интерес исследователей к определенным проявлениям технологий в социальном мире формирует несколько направлений их анализа. Отдельные технологические устройства (ксероксы, компьютеры, банкоматы) попадают в сферу внимания исследователей особого вида коммуникации: между машиной и человеком (human computer interaction). То, как влияет устройство окружающего пространства на взаимодействие, стало предметом анализа в социологии архитектуры и городских исследованиях (urban studies). Интерес к технологии как инфраструктуре, по мнению А. Кузнецова (доклад «Об истории колонизации «техники» социологией научного знания в STS» на 8 научной конференции ЕУСПБ «ВДНХ» 8 ноября 2014 года), отличает акторно-сетевой подход (actor-network theory) от социального конструирования технологий (social construction of technology), где рассматривается история отдельных технологических объектов (велосипедов, лампочек, пластмассы).

знания. Проблема заключается в том, что отношения между «материальными» и «виртуальными» компонентами в социологическом описании являются непроясненными.

Иными словами, в конце XX века в социологии происходит ревизия основополагающих аксиом, на которых базировалось социологическое знание до этого момента, пересмотр понятий «общество» и «социальное», попытка включить в зону анализа «не-человеческих» (non-human) акторов. Основной теоретический потенциал изменений исходил из области исследования науки и технологий (science and technology studies, STS), в которой формулировались новые концептуализации, оказавшие огромное влияние на развитие общесоциологической теории [11]. SST стояли у истоков нового теоретического движения, которое сегодня определяет конфигурацию социологического знания и известно под названием «поворота к материальному» [12]. Акторно-сетевая теория (actor-network theory, ANT) – одно из самых мощных теоретических направлений в рамках этого этапа реконфигурации современного социологического знания. Ключевыми фигурами данного направления являются Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон, А. Мол.

В соответствии с изложенными аргументами, цель данного исследования – описание и анализ реконфигурации социологической теории в контексте поворота к материальному и исследования процессов виртуализации социальных институтов и практик.

Для достижения заявленной цели исследовательская работа ведется по трем направлениям:

- 1) Анализ ключевых концептуальных инноваций, определивших перспективы социологических описаний в начале XXI века (понятия виртуального и материального, метафоры сетей, потоков, гибридов и т.п.).
- 2) Выявление теоретических и методологических проблем при совмещении описаний процессов виртуализации и материализации.
- 3) Концептуализация соотношения между материальными и виртуальными компонентами социологических описаний для уточнения языка социальной теории.

Исходя из необходимости целостного и всестороннего объяснения эпистемологической ситуации в социологии начала XXI века, объектом данного исследования является современная теоретическая социология, переживающая

трансформацию в контексте поворота к материальному и виртуализации. Однако рассмотрение всех современных социологических теорий - задача, слишком масштабная. В виду этого обстоятельства частным объектом представляемого исследования выбрана акторно-сетевая теория как наиболее значимая для развития современной теоретической социологии [13] и отвечающая названным тенденциям. В акторно-сетевой теории, с одной стороны, сделан акцент на материальности, а, с другой стороны, присутствует имплицитная концептуализация виртуальности.

Глава 1 Концептуализации виртуальности в акторно-сетевой теории

Различения «виртуальное» и «материальное» не всегда являются взаимоисключающими. Современные исследования в области философии, на которые опирается акторно-сетевая теория (в частности, Ж. Делез [14] и А. Греймас [15]), актуализируют понятие виртуальности, поскольку с его помощью строится модель мира - события (серии событий) и обосновывается вероятностное знание. В тоже время философская история этого понятия не вполне осмыслена, а его эвристический потенциал не раскрыт. Понятие виртуальности продолжает существовать «в тени» понятия возможности, хотя и не редуцируется к нему. Это результат преимущественного господства субстанциализма как философской установки, в рамках которой категориальная связка «возможность – действительность» является исчерпывающей.

Одновременное использование различий реального, материального и виртуального, изображаемого можно рассматривать как симптоматичную тенденцию изменения существующей эпистемологической конфигурации социологического знания. Проблема заключается в том, что отношения между «материальными» и «виртуальными» компонентами в социологическом описании являются непроясненными. В данном разделе мы анализируем способы концептуализации виртуальности в акторно-сетевой теории, и то, какие возможности предоставляет каждая из них для социологического описания.

1.1 Виртуальное / актуальное

Понятие виртуального не используется Латуром. В центральной по своему значению работе «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» он использует его только один раз со ссылкой на Делеза [16]. По высказыванию Латура, классическая и критическая социология (он называет ее социологией социального) выбирает конечный и узкий набор причин для объяснения множества следствий, т.е. олицетворяет *реализованный потенциал* в терминологии Делеза. При этом происходит редукция любых социальных явлений к структуре сообщества, распределению отношений власти или конфигурациям практик. Акторно-сетевой подход (социология ассоциаций) предлагает заменить поиск скрытых причин явлений прослеживанием

цепочек акторов, которые влияют друг на друга. Социология ассоциаций изображает мир *актуализированных виртуальностей* в терминологии Делеза.

Противопоставление, которое употребляет Латур вслед за Делезом, не соответствует классической дихотомии «реальное / виртуальное». Как пишет Делез: «Виртуальное противостоит не реальному, но лишь актуальному. *Виртуальное обладает полной реальностью в качестве виртуального*» [17] (курсив в оригинале). Здесь появляется противопоставление «актуальное / виртуальное». Для того чтобы понять, чем два различных типа социологии отличаются друг от друга, т.е. провести различие проводников и посредников,² необходимо углубиться в изучение этой второй дихотомии. Согласно Делезу, виртуальное это утверждение того, что не дано. Только актуальное дано (присутствует). Однако то, что виртуальное не дано, не означает, что оно нереально – тогда оно бы совпало со смыслом возможного. Понятие виртуального означает, во-первых, что ничто не дано и не может быть дано; во-вторых, что все, что случается, исходит из реального мира (условие имманентности) [18].

Такая концептуализация виртуальности имеет параллели с семиотической моделью Греймаса, который оказал непосредственное влияние на латуровское мышление [19, 20]. Греймас понимает высказывание как переход от виртуальной языковой системы (высказывание-процесс, *énonciation*) к речи, в которой рождается высказывание-результат (*énoncé-discours*) [15]. Иными словами, высказывание в понимании Парижской семиотической школы это ансамбль отсутствующих (имманентных) элементов, находящихся в отношениях пресуппозиции по отношению к дискурсу (манифестированному). Дискурс содержит в себе следы (*marques*) высказывания-процесса, которые компетентный говорящий комбинирует, создавая значения. Отсюда следует, что опираясь на эти видимые следы, можно воссоздать виртуальную структуру высказывания.

И у Делеза, и у Греймаса понятие виртуального соотносится с отсутствием, т.е. с чем-то одновременно имманентным и предшествующим высказываниям в случае семиотики или действиям в случае «материальной семиотики» [12]. Это означает, что виртуальное представляет собой некую априорную конструкцию, на которую ориентируются акторы. Это противоречит центральному принципу ANT – принципу

² Ключевое различие, используемое в ANT, это различие между проводниками (*intermediaries*) и посредниками (*mediators*). Проводники в буквальном смысле «проводят» действие, не трансформируя его. Посредники могут модифицировать действия непредсказуемым образом. См. особенно [16].

ирредукционизма, который заключается в том, что ни одна сущность не сводима к и не выводима из другой сущности [21]. В этой связи Г. Харман отмечает, что Делез никак не может рассматриваться в качестве предшественника Латура, потому что «Делёзовское понятие «виртуального» создано специально для того, чтобы удалить философию от актуально существующих товарных поездов и абрикосов; сложно вообразить себе Делёза, всерьез принимающего латуровских акторов» [22]. Для Латура полюс актуальности в делезовской дихотомии «актуальное / виртуальное» обладает абсолютным онтологическим статусом, а полюс виртуальности деонтологизируется.

Харман отмечает, что Латур отрицает любые формы потенциальности [23]. В «Пересборке социального» он критикует социологию социального именно за это: она, по его словам, «старается вывести из нескольких причин столько же следствий, *содержащихся в них «потенциально»* [16] (курсив добавлен). Согласно Латуру, говорить о чем-то как о существующем *in potentia* означает, что оно еще не дано (отсутствует), но в любой момент может проявить себя. Латур же утверждает, что приобретение актуальности заключается не в поисках скрытой, или виртуальной, причины, а в соединении большого числа акторов, которые раньше существовали по отдельности. Сказать, что нечто существует потенциально, значит определить его в терминах других вещей, на которые оно может однажды оказать влияние. Латур не запрещает определять актора по его эффекту, однако он не разрешает акторам заранее «брать взаймы» свои эффекты. Для него вещь никогда не превосходит то, чем она является в настоящий момент.

Потенциальное – средство уклонения от актуального. Оно редуцирует актуальное до процесса, который *может* произойти в будущем (но не факт, что произойдет). В результате вся работа акторов осуществляется за пределами актуального. Тот же механизм будет работать, если заменить понятие потенциального на виртуальное, несмотря на философские различия между ними. В обоих случаях действия конкретных акторов менее значимы, чем действие каких-то скрытых сил, «будь они потенциальными, виртуальными, завуалированными, топологическими, потоковыми – сюда можно поставить любое другое прилагательное, которое пытается избежать того, что *актуально* находится здесь и сейчас» [23] (курсив добавлен). Харман характеризует подход Латура как предельный актуализм, который одновременно является предельным реляционизмом. Это, по мнению Хармана, выливается в ряд проблем, с которыми не может справиться латурианская философия,

например она не может объяснить изменения, т.к. непонятно, что заставляет объекты переходить из одного состояния в другое, если они существуют только в актуальных сетях отношений друг с другом [Ibid, p. 130-131].

Итак, в рассмотренной концептуализации виртуальности в акторно-сетевой теории понятие виртуального соответствует тому, что отсутствует, но может быть проявлено в потоке актуальной деятельности. Акцент сделан не на дихотомию реальное / виртуальное, а на противопоставление актуальное / виртуальное. Однако анализ базовых философских допущений ANT показывает, что эта концептуализация виртуальности противоречит логике самой акторно-сетевой теории, поскольку для ANT ничто не может превосходить отношений между объектами, существующих здесь и сейчас.

Представляется, что отсутствие в акторно-сетевой теории понимается не как существование скрытой силы, действующей за пределами актуального существования объектов, а как система отношений между объектами, выходящая за пределы конкретной ситуации. Взаимодействие в акторно-сетевой теории подобно вершине айсберга. Взаимодействия лицом-к-лицу не существуют сами по себе, потому что они: 1) не изотопические, т.е. включают в себя элементы, которые происходят из других мест («изотоп» от др.-греч. ἴσος — «равный», «одинаковый», и τόπος — «место»); 2) не синхронные, т.е. включают в себя элементы, которые происходят из других времен; 3) не синоптические, т.е. невозможно наблюдать одновременно всех участников взаимодействия (от др.-греч. συνοπτικός, букв. «со-наблюдающий»); 4) не гомогенные, т.е. состоящие из компонентов различной природы; 5) не изобарические, т.е. оказывают различные эффекты (давления) на течение взаимодействия (от др.-греч. ἴσος «одинаковый» и βάρος «тяжесть») [16].

Следовательно, то, что наблюдаемо происходит здесь и сейчас, это только маленькая часть того, что вовлечено в текущее действие, или задействовано (enacted). Наиболее подробно с различием «присутствие / отсутствие» работает Дж. Ло в своей метафизико-методологической работе «После метода» [24]. Объекты (в том числе материальные), которые присутствуют в ситуации, понимаются в ANT как производная сетей отношений [25], или как совокупность задействованных реалий [24]. Попробуйте мысленно проследить все связи, которые уходят от вашего мобильного телефона через пространство и время, и перед вашим взором появится объект, окруженный

расходящимися во все стороны линиями.³ В книге «После метода» Ло дает следующее определение объекта: «Созданная версия сгущенного присутствия, которая принимает форму процесса или сущности, проистекающих из упорядоченной формы отсутствия и переделывающей ее» [Там же, с. 326]. То есть отсутствующее, виртуальное определяет форму объектов и динамику их трансформации, хотя и присутствующее, и отсутствующее актуально действуют в ситуации здесь и сейчас.

Эта модель усложняется тем, что существуют две формы отсутствия. Явленное отсутствие (*manifested absence*) рассматривается как необходимое для присутствия. Например, никого не удивляет, что когда вы вставляете банковскую карточку в считыватель в магазине, где-то за пределами локального взаимодействия «кассир-автомат-покупатель» существует технологически настроенная система отношений между банками. Хотя она и не присутствует непосредственно, ее существование подразумевается. Вторая форма отсутствия – отсутствие как Инаковость (*absence as Otherness*) – отрицается самим присутствием, хотя и делает его возможным. Такая ситуация наблюдается, например, в медицинских клиниках, когда различные свидетельства разных областей или методик лечения не согласуются друг с другом, но тело больного все равно рассматривается как единое. Существование множественных медицинских техник не было бы возможным, если бы и тело не было множественным, однако для целей лечения целесообразно рассматривать его как единое [26]. Отсутствие как Инаковость – это характеристика потоковых объектов, тогда как явленное отсутствие – свойство объектов сетевых.⁴ Так или иначе, именно отсутствующее придает форму присутствующему, виртуальное делает возможным существование объектов.

Адекватный применительно к акторно-сетевой теории понятийный аппарат для описания круга проблем, задаваемых понятием виртуальности, был предложен не Делезом или Греймасом, а еще Лейбницем. Латур реабилитирует социологию Тарда [27], а тот, в свою очередь, заимствует у Лейбница понятие монады [28], однако этим не ограничиваются их позитивные пересечения. В замысле лейбницевской метафизики проект «универсальной характеристики» (*characteristica universalis*) опирается на понятие виртуально сущего. Как пишет один из современных исследователей философии Лейбница: «Виртуальное у Лейбница – то, что может быть приведено к

³ Метафора сети стала популярной еще и потому, что она предлагает наглядную форму графической (в буквальном смысле) визуализацию.

⁴ Подробнее о различении потоковых и сетевых объектов см. [25].

существованию или, если иметь в виду проект универсальной характеристики, *виртуальное есть сущность, которая может быть ограничена существованием*» [29] (курсив добавлен). Эта формула «сущность, ограниченная существованием» хорошо согласуется с одним из ключевых различий ANT, которое представлено в одной из самых философских работ Латура – «Нового времени не было» [9].

Сущность и существование отличаются по степени стабилизации. Это различие можно сопоставить с различием акторов и актантов в ANT. Актант – неопределенная сила, производящая действие. Актор – актант, наделенный фигурацией, т.е. сила, которой кто-то уже дал дефиницию, например в высказывании «я плохо себя чувствую из-за магнитных бурь». В данном примере магнитные бури являются актором, которые в отчете (account) говорящего оказываются причиной плохого самочувствия. Актантом же, следуя логике ANT, будет являться вся цепь переводов (translation), которую необходимо проследить от плохого самочувствия до магнитной бури или чего-то еще. Таким образом, любой объект есть сущность с устоявшейся конвенциональной фигурацией. Однако, как мы сказали ранее, существование объектов становится возможным именно благодаря тому, что отсутствует. Можно было бы предположить, что отсутствующее также является сущностью с устоявшейся фигурацией, однако концептуализация объектности в ANT свидетельствует против этого.

В акторно-сетевой теории объекты обладают относительным бытием. Они никогда не существуют сами по себе, а всегда являются частью проекта (формула «объект как проект»). В жизненном цикле проекта мало объектов, зато много идей, встреч, согласований, бумаг, обсуждений и споров. Так, автоматизированная система метро ARAMIS, никогда не стала объектом, не обрела устойчивости, хотя являлась амбициозным проектом [30]. Военный самолет TSR-2 – аналогично [31]. По выражению Латура, бытие объектом – это только мгновение [в жизни проекта]. Существование объекта предполагает успех проекта. Понятие проекта актуализирует то, что отсутствует, а понятие объекта относится к присутствующему. Конфигурации присутствия и отсутствия постоянно перераспределяются, поэтому отсутствующее нельзя отнести к полюсу сущности – проект предполагает динамику, т.е. существование.

Таким образом, лейбницевская формула «сущность, ограниченная существованием» согласуется с представлениями акторно-сетевой теории о природе

объектов. Это означает, что понятие виртуально сущего (*ens virtualis*) может оказаться эвристичным при анализе виртуальности в ANT. Оно задействовано Лейбницем по преимуществу в «Теодицее» [32] для прояснения концепции творения и выбора Богом наилучшего из возможных миров. Поскольку каждый из возможных миров содержит в себе какую-то степень благодати, постольку каждый из них достоин победы и наделен доблестью (*virtus*) в борьбе за существование. Виртуально сущее — это такое, о котором неизвестно (в том числе и Богу), существует ли оно: существование, в момент выбора всех возможных миров, является лишь виртуальным, они существуют не сами по себе, но лишь «в воображении Бога». Аналогичным образом, всякий конечный мыслящий субъект в выборе наилучшего также имеет дело с виртуально сущим, а традиционная для обширной философской традиции, от Аристотеля до Декарта, пара сущность-существование в лейбницеvском проекте заменяется связкой виртуальное-существующее (актуальное).

Латур через Тарда обращается к учению Лейбница, но без Бога [16]. Если мы сделаем ту же самую операцию, виртуальное можно определить как нестабильное, что отсылает к целому ряду различий ANT: сущность-существование, актор-актант, проводник-посредник. Ранее в исследовании, «Новые горизонты теории социальных событий: создание ивент-аналитической модели исследования социального действия», проводимом в РАНХиГС авторы рассматривали онтологическую трактовку акторно-сетевой теории, в которой все различия наделаются онтологическим характером (в противоположность методологической схеме). Онтологический смысл ANT заключается в том, что любые сущности различаются по степени их стабилизации (полюса «сущность-существование»). Близость к тому или иному полюсу предполагает ряд взаимосвязанных характеристик, которые были зафиксированы в таблице 1. Воспроизведем ее в исходном виде, для того чтобы прокомментировать формулу «сущность, ограниченная существованием» применительно к акторно-сетевой теории.

Таблица 1 - Свойства посредников и проводников как онтологических категорий

Проводник (сущность)	Посредник (существование)
стабильность	нестабильность
дискретность	непрерывность существования
предсказуемость	непредсказуемость

свернутость (черный ящик)	развернутость
невидимость	видимость

Статус посредника всегда находится под вопросом; устойчивость никогда не бывает абсолютной. Производство стабильности и нестабильности связывается Латуром с двумя типами практик, которые, несмотря на декларацию нововременных, никогда не существовали по-отдельности, - это практики очищения и медиации (перевода) [9].⁵ В процессе очищения мир разделяется на онтологически разнородные и несмешиваемые регионы, например на природу и общество. Стабилизированные сущности – это актанты, уже обретшие устойчивые конфигурации; это системы различения и классификации, вписанные в оптику нашего актуального видения. Мы можем однозначно определить природу таких сущностей (если мы испытываем затруднения, всегда есть статья в *Википедии*): это дерево, это политический митинг, это божественное. Однако с сущностями все время что-то происходит: дерево *зеленеет*, политический митинг *подавляется*, божественное *являет себя*. Сущности *существуют*, и это главное ограничение их устойчивости. Все, что было разделено, непрерывно смешивается в практиках медиации. Стабильность объекта не отрицает его нестабильности, а *предполагает* ее.⁶

Характеристики стабильности / нестабильности объектов связаны с дискретностью / непрерывностью их существования. В. Вахштайн указывает на то, что в материальной семиотике Дж. Ло объекты описываются как дискретные [12]. Например, корабль это объект с осязаемыми границами и конечным набором элементов [25]. В то же время эта дискретность становится возможной только благодаря непрерывности существования связей этого объекта с другими объектами. Так, чтобы оставаться кораблем, корабль должен сохранять свои отношения с системой торговли между странами, навигационной системой, наконец, отношения между парусами,

⁵ Хотя Латур часто употребляет понятия медиации и перевода как синонимы, в статье «О технической медиации» он использует медиацию (mediation) в качестве обобщающего термина, а перевод (translation) рассматривает как один из видов медиации, помимо композиции (composition), сворачивания в черный ящик (blackboxing) и делегирования (delegation). См. [33]. В дальнейшем эта идея разрабатывается автором в «Надежде Пандоры» [34].

⁶ Динамизм существования объектов делает понятным желание А.-М. Мол и Дж. Ло перейти от понятия конструирования (construction) к понятию задействия (enactment) [24, 26]. Конструирование предполагает конечность, достижение состояния сконструированности. Задействие, напротив, акцентирует непрерывность существования объектов. Проводники несамостоятельны; они не существуют в отрыве от практик медиации (о-посредования). Следовательно, статус сущности является второстепенным по отношению к статусу существования.

палубой и экипажем также должны оставаться стабильными [Там же]. Таким образом, именно посредники обеспечивают бытие проводников в качестве сущностей: дискретных акторов, наделенных онтологическим статусом, фигурацией и оппонентами [16]. В то же время именно они являются причиной их нестабильности и непредсказуемости.

Свойства предсказуемости и непредсказуемости также логически вытекают из степени стабилизации объектов. Чем устойчивее объект, тем легче прогнозировать его поведение. В предельном случае проводника объекты полностью уходят на задний план и просто «переключают» действие, как железнодорожные стрелки. Посредники, напротив, характеризуются «способностью каждого актора побудить других акторов *делать неожиданные вещи*» [Там же, с. 181] (курсив изменен). Это касается не только физической поломки, когда, например, во время работы за компьютером отключается электричество. Понятие посредника описывает все ситуации, включающие отступление / обходной маневр (detour) от намеченной программы действия [33]. Идеальную иллюстрацию можно найти в русской народной сказке «Петушок и бобовое зернышко»: петушок подавился бобовым зернышком, и чтобы его спасти курочка делает серию отступлений, в результате чего ее первоначальная цель («Пойди к корове, попроси маслица - бобок проглотить») неоднократно трансформируется («топор - дровосекам, дровосеки дадут дрова, дрова - печи, печь даст калачей, калачи - косарям, косари дадут сена, сено - корове, корова даст маслица, маслице – петушку»). В этой истории не только бобовое зернышко, но и каждый новый агент выступает в качестве посредника, в результате чего создается сеть. Понятие посредника предполагает не только непредсказуемые действия, но и создание неожиданных альянсов.

В то время как становление проводником это долгий и трудозатратный процесс, проводник в любой момент может снова стать посредником. Понятие проводника абсолютно статично, оно устроено таким образом, «как будто социальный мир не был сделан для того, чтобы существовать» [16]. Это еще раз подчеркивает подчиненное положение сущностей по отношению к существованию. По выражению Латура: «сущность есть существование, а существование есть действие» [33].

Проводники могут быть разной степени сложности (и шариковая ручка, и персональный компьютер могут переносить действие письма), но поскольку действие в любом случае передается без изменений, они рассматриваются в качестве «черных ящиков». Латуровское определение черного ящика дает представление о том, что

проводники могут быть в высшей степени сложными: «Когда множество элементов действуют как единое целое, и возникает то, что я буду называть черным ящиком» [35].⁷ Элементный состав черного ящика ускользает из виду. Вы не знаете, из чего состоит ваш компьютер и на каких принципах он основан, но когда он ломается, вам приходится вспомнить, что это очень сложный и хрупкий механизм.

Характеристики развернутости / свернутости тесно связаны со свойствами видимости / невидимости. Пока ваш компьютер работает, вы не замечаете его самого; он является не более чем проекционным экраном для какой-то информации [37]. Если же вы покупаете новый смартфон, вам придется потратить некоторое время, чтобы его освоить – он видим для вас как объект. Посредники, превращаясь в проводников, сворачиваются в черный ящик и становятся незаметными. Речь идет о рутинизации технологий [38].⁸ С одной стороны, это обеспечивает вовлеченность во взаимодействие, потому что опосредующие технологии «исчезают» из содержания коммуникации [41, 42], [43]. С другой стороны, «невидимые» технологии служат всего лишь фоном для взаимодействия, и в этом смысле они могут быть нерелевантными, как персонаж, у которого нет роли в сюжете [16]; [44].

Таким образом, первая концептуализация виртуальности в акторно-сетевой теории основана на дихотомии «виртуальное / актуальное». Под виртуальным понимается совокупность условий, делающих возможным актуальное взаимодействие здесь и сейчас. Оно соотносится с категорией отсутствия, которое придает форму присутствию. Материальные компоненты ситуации, которые выступают в форме объектов, находятся в зоне присутствия, а поддерживающие их системы отношений – в зоне отсутствия. В такой трактовке виртуальное предшествует материальному и форматирует его. Однако элементы, которые вынесены в зону отсутствия, также могут иметь материальную природу. Например, инфраструктура, которая позволяет пользователям социальной сети общаться друг с другом в реальном времени, вполне себе материальна, хотя и относится к сфере отсутствующего. Следовательно, нельзя

⁷ Анализ влияния кибернетики на идеи Латура представлен в рецензии на цитируемую работу, см. [36].

⁸ Остается открытым вопрос о применимости пары видимый / невидимый к нетехнологическим объектам. В тексте про недостающие массы Латур разделяет тексты и механизмы в том числе по этому критерию. Механизмы уходят в тень, а тексты, наоборот, создают пространство соприсутствия читателя, автора и персонажей [39]. Это разделение поддерживается им в последней вышедшей книге «Исследование модусов существования» [40]. Мы предполагаем, что знание (модус референции) и технология (модус фабрикация) соответствуют этому разделению, а литература (модус делегирования) предполагает иной механизм.

вывести однозначное соотношение между виртуальным и материальным на основе анализа дихотомии «виртуальное / актуальное». Для того чтобы его определить, далее мы обратимся ко второй концептуализации виртуальности в акторно-сетевой теории.

1.2 Виртуальное / реальное

Несмотря на то, что акторно-сетевая теория работает с различием «виртуальное / актуальное», Латур обращается и к более традиционной для социологии дихотомии – «реальное / виртуальное», на которую опираются все теории виртуализации. По крайней мере, в работе «Париж: невидимый город» [45] он проводит различие между реальным и виртуальным, невидимым Парижем. Оно основано на понятии панорамы, которое получит дальнейшее развитие в книге «Пересборка социального». Это места, которые позволяют увидеть все (картину целиком), но «они также не позволяют увидеть ничего, ибо всего лишь показывают образ, нарисованный (или спроецированный) на внутренней стене комнаты, полностью изолированной от внешнего мира» [16]. Можно сказать, что панорамы – это способ контекстуализации действий акторов. Как бы мы могли ориентироваться в метро, если бы у нас не было карты? Представьте себе, что вы впервые в незнакомом городе – вы чувствуете себя ужасно растерянно. Однако после недолгого изучения карт, изображений и текстов вы приобретаете уверенность в себе. Эта уверенность возникает именно благодаря панорамам. Даже если пропорции Эйфелевой башни на туристических картинках не соответствуют действительности, по крайней мере вы теперь знаете, как она примерно выглядит.

Латур соотносит виртуальный город с электронными утопиями [45]. В данном случае утопия может быть понята как инструмент познания, как мыслительный эксперимент по модели «как если бы» [46]. Чтобы описывать город, полный объема, необходимо рассматривать его, *как если бы* он был плоской проекцией на экране компьютера. Только тогда мы получим цельное описание, а не хаотичную смесь цветов, движений и звуков. Здесь Латур приравнивает виртуальное к опосредованным технологиями репрезентациям, что встречается в обыденном понимании слова «виртуальное».

Однако означает ли это, что виртуальное и материальное противостоят друг другу? Вовсе нет. Латур приводит в пример интерактивную компьютерную игру *Second World*, в которой участники могли взаимодействовать (компания обанкротилась) в

виртуальном, а не реальном Париже – не открывая своего возраста, пола, голоса или даже имени [45]. В то же время в офисе компании работают люди из плоти и крови. То, что можно наблюдать там, это перемещение тел, изменение чувств, смешение языков, сбой технологии и движение валюты. Поэтому слово «виртуальное» не обязательно должно означать мир бесплотных духов, освобожденных от бремени материи. По высказыванию Латура, слово «материальное» даже больше подходит для описания виртуальных сред, чем собственно «виртуальное» [Ibid].

Понятие «реального мира», которое часто используется в виртуальных пространствах для обозначения не-виртуальных миров, предполагает, что материальный мир отделен и отличен от виртуальных миров. Тем не менее, люди, вовлеченные в действие в виртуальной реальности (виртуальную работу, компьютерные игры, электронную коммуникацию), расположены в реальном мире и используют материальную технологию. Такое соотношение между реальным и виртуальным подчеркивает С. Вулгар [47]. Два из его пяти правил референции реального, или локального, гласят: 1) виртуальные технологии дополняют, а не замещают реальные практики; 2) чем больше виртуального, тем больше реального.

Здесь мы сталкиваемся с той же проблемой, которую мы обсуждали применительно к дихотомии «виртуальное / актуальное». Ни различие «виртуальное / актуальное», ни «реальное / виртуальное» ничего не говорит нам о соотношении виртуального и материального.

Ответ может быть найден, если обратиться к понятию делегирования (delegation). Делегирование предполагает реализацию программы действия в обход (detour) возможных препятствий, однако оно трансформирует само средство выражения, или значение (meaning) [33]. Классический латуровский пример – так называемый «лежачий полицейский». Вместо знаков и предупреждений, инженеры «вписали» (inscribe) программу действия («не превышать скорость») в бетонную плиту. Вместе с этим они трансформировали моральный мотив водителей («не навредить пешеходам») в прагматический («не повредить подвеску автомобиля»). То есть инженеры в буквальном смысле материализовали правила дорожного движения. Это, впрочем, не означает, что акторно-сетевая теория переходит от осмысленных человеческих отношений к принуждающим отношениям материи⁹, от виртуального к материальному. Латур утверждает, что для инженеров вписывание в бетон – такая же

⁹ Хотя такие трактовки встречаются, см., напр., [20].

осмысленная артикуляция правила, как установка дорожного знака или чтение лекции про правила дорожного движения на уроках ОБЖ. Инженеры сами выбирают, какую фигурацию придать объекту, как писатели выбирают слова для романа [Ibid, p. 39].

Латур часто сравнивает инженеров с писателями. И те, и другие занимаются написанием сценариев, только первые вписывают их в объекты, а вторые в сюжет произведения. Когда я читаю «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил-был Иванушка-дурачок», я не просто перемещаюсь (shifting) в это воображаемое место, но и идентифицирую себя с определенным персонажем. То же самое происходит, когда я действительно лечу куда-то – перемещение, подразумеваемое создателями. Это следствие того, что Латур использует семиотический инструментарий, распространяя его на материальные объекты. Однако между писателями и инженерами есть принципиальная разница. Как замечает Латур: «Переместиться в воображении из Франции на Бали не то же самое, что лететь в самолете из Франции на Бали» [Ibid, p. 40]. В воображении можно выбирать между направлениями референции, перемещаясь между всеми делегированными персонажами, какие только ни придумал автор. В случае технологии, материального объекта, механизма такой выбор невозможен – я не могу одновременно лететь в самолете и сидеть в своем кресле дома. «Вместо того, чтобы позволить читателю истории одновременно находиться в другом месте (в рамках референции истории) и здесь (в своем кресле), техническое перемещение вынуждает его выбирать между направлениями референции. Вместо того, чтобы допустить для авторов произведения и его адресатов что-то вроде соприсутствия и сопричастности с другими акторами, техника позволяет тем и другим игнорировать делегированных акторов и проходить мимо, даже не чувствуя их присутствия» [39].

Итак, в рамках акторно-сетевой теории можно определить материализацию как вписывание программы действия в материальные объекты. Однако то, что произвело это вписывание (инженеры, менеджеры и т.д.), само отсутствует при реализации программы действия. Более того, сама техника становится невидимой для пользователей, т.е. также является отсутствующей. Никто не замечает двери, пока она не ломается. Разницу между материальным и виртуальным перемещением можно представить как разницу между фикцией и фабрикацией – различие, появляющееся в последней работе Латура [40]. Для литературы характерно создание фикций, которые позволяет одновременное нахождение в нескольких пространствах, временах и

персонажах. Для технологии характерно создание фабрикаций, которые, напротив, заставляет делать однозначный выбор: где, когда и кем быть.

Соответственно, на основании анализа использования в ANT различения «реальное / виртуальное» мы приходим к концептуализации виртуальности, противостоящей той, которую мы обнаружили при рассмотрении различия «виртуальное / актуальное». Виртуальное предполагает присутствие, тогда как материальное предполагает отсутствие (само понятие делегирования указывает на то, что автор действия скрылся, передав свои полномочия или обязанности кому-то еще). В то время как в первой концептуализации виртуальное рассматривалось как отсутствующее, а материальное как присутствующее.

На самом деле названные способы концептуализации не противоречат друг другу, так как присутствие и отсутствие понимаются ими по-разному. Для первой из них присутствие предполагает существующий объект, который предполагает отсутствие во второй трактовке. Для нее, в свою очередь, присутствие означает нефизическое нереверсивное перемещение в пространстве, времени и актантном измерении. Таким образом, они могут рассматриваться как взаимодополняющие. Первая описывает ситуацию в мире материальных объектов, а вторая очерчивает границы между этим миром и литературой.

1.3 Выводы

Таким образом, акторно-сетевая теория отрицает как антропоцентрический, так и вещецентрический взгляды на природу технической деятельности человека (см. п. 1.4). Первый предполагает, что именно люди создают и управляют машинами; в технологиях материализуется человеческий труд. Для того чтобы понять, как работает технология, нужно реабилитировать человеческую агентность, которая стоит за идолами-машинами. Однако Латур подчеркивает, что люди не существуют сами по себе. Социальный мир настолько пронизан отношениями делегирования действия материальным объектам, что любые попытки отказаться от их рассмотрения и обособить человеческую активность приводят к тому, что исследователи анализируют не сложный мир людей, а комплексный мир обезьян [16].¹⁰

С другой стороны, позиция материализма тоже не является удовлетворительной. В артефактах и технологиях нет имманентной твердости материи. Напротив, они могут исчезнуть в любой момент жизни проекта, поскольку за ними стоит работа инженеров, законодателей и других акторов, которые воплощают свою программу действия в металле, бетоне, краске, технических исчислениях.

Поэтому ответ о соотношении между виртуальными и материальными компонентами современных реляционистских описаний, рассмотренных на примере акторно-сетевой теории, лежит в области *между* виртуализацией (приписыванием людям решающей роли во взаимодействии с технологией) и материализацией (приписыванием технологиям решающей роли). Общество и материя не существуют по-отдельности, а обмениваются свойствами, взаимопроникают. Некоторые характеристики людей материализуются в бетоне (в случае «лежачего полицейского»), а обычная бетонная плита вдруг начинает выполнять функцию настоящего живого полицейского. Это следствие наблюдаемой сегодня эпистемологической реконфигурации современного социологического знания. Позиция реляционизма

¹⁰ Латур иронично именует социологию обезьян «раем для интеракционистов и этнометодологов» [48]. По его мнению, названные исследовательские программы вследствие их невнимания к материальным объектам способны описывать только такие взаимодействия, в которых каждый участник может вмешаться в каждое взаимодействие. Такие взаимодействия не существуют у людей, а наблюдаются только у приматов, поэтому социология много сделала в отношении описания обезьяньих обществ, но не продвинулась на пути анализа взаимодействия людей. Ср. «Обезьяны показывают нам, каким могло бы быть социальное общество – то есть, общество, отвечающее требованиям социальной теории относительно перехода от индивидуального «уровня» к социальному посредством ряда операторов; при том, что сами эти операторы полагаются социальными» [Там же, с. 85].

отрицает наличие у людей и материальных объектов самостоятельного существования. Они существуют только *в отношениях* друг с другом.

Проведенные в акторно-сетевой теории различия между виртуальным и материальным плохо работают с современными коммуникационными технологиями. Использование мобильного телефона предполагает одновременное нахождение в нескольких пространствах [42], хоть он и является техническим объектом, который должен эту одновременность отрицать. Для того чтобы разрешить это противоречие, мы совмещаем акторно-сетевую теорию с работами из области фрейм-анализа. Такое сопоставление представляется оправданным в свете общности эпистемологических установок (реляционизм) названных подходов [49].

Но прежде чем это сделать, мы применяем теорию фреймов к более обширным областям анализа, включающим соотношение микро и макро, которое стирается в результате поворота к материальному. В теории фреймов содержится значительное количество сложноорганизованных категорий для систематизации множества социальных ситуаций, если они являются взаимодействиями лицом-к-лицу, в условиях соприсутствия или ограничены осязаемыми пространственными и временными скобками. Расширение гофмановской социологии до области макропроцессов – заслуга постмодернистских трактовок наследия Гофмана. Соотнеся идеи постмодернистов, теорию фреймов и акторно-сетевую теорию, можно объяснить вещецентрический взгляд на природу артефакта как этап в генеалогии формирования взаимозависимости между людьми и не-человеками,.

Глава 2 Постмодернизм, немодернизм и проблема связи порядков

Как было обосновано во *Введении*, современная социологическая теория характеризуется сомнением в существовании общества. Такая релятивизация социальности вызывает к жизни необходимость выработки новой онтологии социального. Как следствие, «любая теория, занимающаяся объяснением человеческих социальных феноменов, без сомнения должна решить проблемы, связанные с онтологией социального действия и социальных акторов на некотором фундаментальном, хотя бы неявно артикулированном, уровне» [50]. Этот уровень является *эпистемологическим*, т.е. включает в себя базовые допущения о том, что такое социальная реальность (онтологические представления).

Базовые допущения «постулируют реальность» и определяют эпистемологическую конфигурацию, которая делает возможным появление определенного типа знания. Общество, как реальность, существующая сама по себе, независимо от индивидов; общество, как реальность, производная от интерпретаций участников; общество, как реальность, создаваемая действиями и зависящая от действий акторов – всё это различные способы постулирования реальности. «Постулируемому реальному присуща особая сила в организации восприятия социолога и в формировании получающейся вследствие этого теории и метода исследования» [51]. Ключевым моментом в определении эпистемологической конфигурации является решение вопроса о природе социальной реальности.

Неотъемлемым свойством любой теории является приписывание статуса конечной реальности феноменам, с помощью которых осуществляется объяснение. Основополагающие представления социального теоретика о том, в какой форме существует социальный мир (онтологические представления), являются аксиоматическим ядром его языка и тем самым определяют получаемые описания. Точкой отсчета, как правило, становятся разного рода субстанции, конституирующие единицы исследования. Так, для классиков социологической мысли Э. Дюркгейма и М. Вебера онтологическим статусом обладают социальные факты и социальное действие соответственно.

Аналитической альтернативой такому подходу является смещение акцента с субстанциональной природы эксплананса и перенос внимания на его отношенческую,

или реляционную, природу. Такие представления не являются чем-то новым в социологии. В качестве примера приведем теорию фреймов, относящуюся к разряду современной (хоть и неудобной) классики [52]. И. Гофман в фундаментальном труде «Анализ фреймов» постулирует, что «суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция» [53, с. 677]. Эта позиция не является характерной только для его *opus magnum*. Например, в «Стигме» Гофман подчеркивает реляционную природу этого феномена: «... характер этого качества [стигмы] определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него. Качество, стигматизирующее один тип владельца, может лишь подтвердить обычность другого, и в этом смысле само по себе качество не является ни лестным, ни постыдным» [54].

Тем не менее, вторая половина XX века характеризуется серьезными изменениями в сфере онтологических представлений, которые иногда даже характеризуются как второй онтологический поворот [55] (после поворота Н. Гартмана и М. Хайдеггера). В то же время переход от субстанциалистской к реляционистской позиции в социологическом объяснении вызвал к жизни так называемый «реляционный поворот» (*relational turn*), о котором открыто заявляет М. Эмирбайер [56], но которого также придерживается большое число современных философов и социологов, в том числе представители акторно-сетевой теории.

Онтологический и реляционный повороты в социальных науках не предлагают конкурирующих онтологий. В сущности, речь идет только об одном «повороте». Философия второй половины XX века отказывается «от атомистической онтологии в пользу онтологии целостности, что сопровождается пересмотром категории отношения» [57]. Эта же тенденция присуща современной социологической теории: вырабатывается новая онтология социального, акцентирующая решающую роль отношений в конструировании и поддержании социальной реальности [58]. Иными словами, поворот, который мы сегодня наблюдаем в социальных науках, онтологический в том смысле, что формирует новую *онтологическую* модель социального, а реляционный в том смысле, что модель эта – *реляционной* онтологии.

Философ В. Савчук отмечает, что тенденция к «повороту» в социальных науках сегодня утратила свое онтологическое измерение [59]. Н. Романовский называет двенадцать поворотов в новейшей социологии [60], каждый из которых может быть связан с изменением способа социологического познания. В. Вахштайн говорит специфически о том, что в рамках поворота к материальному существует большой

кластер работ, которые превращают радикальную смену базовых допущений, которую предполагает метафора поворота, в легковесную риторическую игру [10]. В данном контексте мы можем понимать «реляционный поворот» не как *реальное* обновление языка социологии, а как спекулятивные попытки легитимировать свой предмет исследования с помощью указания на независимость аналитических средств от познавательного процесса. «Давая свой ответ на вопрос «Что есть все», исследователи определенного направления возводят собственную онтологическую модель до универсального статуса» [59]. Иными словами, то, через что должно производиться объяснение, получает онтологический статус не в смысле позиции исследователя, оно конституируется независимо от наблюдателя.

Независимо от того, предлагают ли представители онтологического / реляционного поворота региональную [61], [62], [63] или фундаментальную онтологию, приверженность реляционистской позиции может иметь далеко идущие следствия для существования и развития современной социологической теории. Во-первых, приписывание статуса конечной реальности *отношениям* требует реконцептуализации социальности. Во-вторых, это позволяет наметить связь между микро- и макроуровнями анализа, потому что центральной становится проблема связывания различных порядков, т.е. предложить решение «вечной» проблемы социологии «структура или действие?».

В данном параграфе мы хотим инспирировать диалог между социологией Гофмана как представителем реляционизма в социологии и различными точками зрения в отношении связывания порядков. В рамках гофмановской социологии повседневности под порядками реальности понимаются различные сферы, рядоположенные повседневному миру: игра, фантазия, наука, искусство, репетиция, церемония и т.п.¹¹ В силу того, что трактовки наследия Гофмана стремятся вывести его теорию за пределы микросоциологии, в данной работе порядки реальности есть абстракция, обозначающая субстанции или единицы, которые могут быть связаны. Соответственно, социологическая теория Гофмана в рамках данной работы будет рассмотрена не как исторический материал, а как допускающий неоднозначные толкования теоретический ресурс. С учетом этого исследовательский вопрос данного раздела может быть сформулирован следующим образом: что дает использование

¹¹ Эта идея заимствована Гофманом из философии У. Джемса. Также она получила развитие в феноменологии А. Шюца.

теории Гофмана для решения проблемы связывания порядков с точки зрения переопределения концепта социальности и объединения различных уровней анализа?

2.1 Перспектива постмодернизма

М. Дэвис указывает на то, что отличительной чертой риторики Гофмана является проведение ряда различий [64]:

- (1) In-Out: демаркация между тем, что внутри, и тем, что снаружи.
- (2) High-Low: элементы, входящие в теоретический концепт имеют низкий (малое) и высокий (важное, большое) статус одновременно. Иными словами, именно кажущиеся тривиальными, «беспредельно малые» (Бурдье) взаимодействия сохраняют устойчивость всего общества.
- (3) Backward-Forward: поток причинения между связанными элементами течет как вперед, так и назад. По отношению к гофмановским порядкам реальности это означает, что возможен переход не только из мира повседневности в другие миры (как у Щюца), но и обратно.^{12*}

В рамках первого различия деятельность, осуществляемая в определенном фрейме, отделена от деятельности в другом фрейме процессом «нарушения фрейма».

Чикагские социологи Б. Ханкок и Р. Гарнер утверждают, что в «Анализе фреймов» нашла наиболее яркое выражение идея Гофмана о необходимости сдерживания беспорядка (containment of havoc) в процессе интеракции [65, р. 326]. Вследствие своего динамичного характера, связанного со сложной структурой повседневного мира, порядок взаимодействия постоянно «ломается». Сдерживание представляет собой непрерывные попытки вернуть нарушения и отклонения назад в рамки этого порядка. Исследования Гофмана в этом направлении ведут к анализу вопросов власти на микроуровне, что соответствует осуществленной Фуко концептуализации. В книге «Надзирать и наказывать» он описывает появление так называемого «дисциплинарного общества», основанного на новых типах власти. Власть в таком обществе бессубъектна, она разлита в воздухе, и все, кто дышит воздухом этого общества, выстраивают свое повседневное поведение в соответствии с ее требованиями и, более того, принуждают к тому же и других членов социума [66]. Например, всеобщее осуждение в вагоне метро буквально заставляет вас волей-неволей уступить

¹² Согласно Щюцу, конечные области значений связаны отношениями односторонней «символической аппрезентации», когда мы интуитивно воспринимаем элемент повседневности как означающее чего-то другого из иной области смысла.

место бабушке. В данной ситуации пассажирам необязательно вызывать полицию, обладающую правом на легитимное насилие, они сами применяют насилие здесь-и-сейчас, дисциплинируют члена общества, не вписывающегося в принятый социальный порядок.

При проведении параллели между Гофманом и Фуко мы можем обратиться не к логике регуляции социального взаимодействия, а к самой необходимости такой регуляции, изначально заложенной в природе социального порядка. Ханкок и Гарнер используют этот способ видения, для того чтобы связать в единое целое возникновение беспорядка, макро проблемы (такие как мировой терроризм и крах финансовых рынков), практики социальных институтов и государства, а также микро практики контроля, репрезентирующее сложное общество постмодерна. В сущности, здесь осуществлено связывание микро- и макроуровней анализа.

Ханкок и Гарнер накладывают на первое различие второе в попытке связать микро и макро: внутри оказывается весь порядок взаимодействия или, шире, нормативный порядок, снаружи – нарушение порядка или беспорядок. Целостность порядка обеспечивается механизмами сдерживания, представление о которых заимствовано из социологии Гофмана. На пересечении этих различий получается следующая матрица (см. таблицу 2).

Таблица 2 - Связывание микро- и макроуровней анализа социального порядка

	Low	High
In	деятельность во фрейме	сдерживание (containment)
Out	нарушение фрейма	беспорядок (havoc)

Таким образом, здесь мы видим, как теория Гофмана была использована в качестве ресурса для соединения различных уровней анализа. Теперь рассмотрим проблему связывания порядков с точки зрения переопределения концепта социальности.

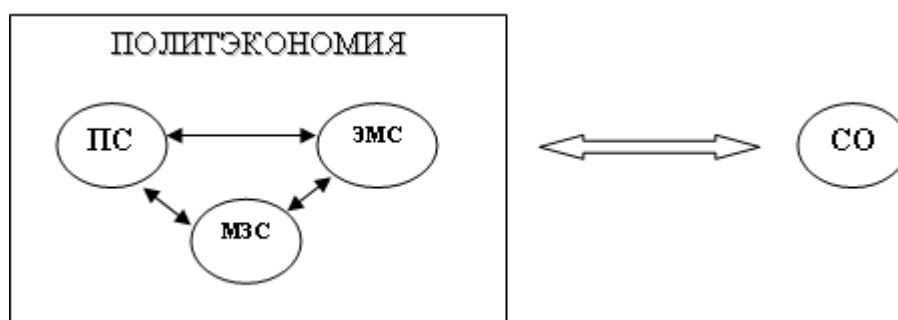
Одним из центральных тезисов работающего в русле постмодернизма французского ученого Бодрийяра является положение, утверждающее что социальная реальность как автономная область символического обмена теряет онтологическое значение. Основанием его доводов является допущение, что с возникновением массового общества люди производят знаки, более не указывающие на реальность,

замкнутые сами на себя - копии без оригиналов, симулякры. Знаки связаны исключительно с другими знаками, заключены внутри системы кодирования. Вследствие этого они отделены от символического измерения человеческой коммуникации, что вызывает исчезновение социальной действительности, или «конец социального» (*la fin du social*). Таким образом, при переходе от современного к постсовременному обществу социальная реальность становится фантомом. Соответственно, исчезает и объект изучения «науки об обществе», социологии, вследствие чего работа социального ученого превращается в симуляцию научной деятельности [67].

Бодрийяр наследует критической теории Маркса, однако замечает, что она оказывается неприменимой к области нематериального производства (производства знаков), поэтому необходима новая теория, способная объяснить те изменения, которые происходили в течение XX века. С переходом к массовому производству проблема обеспечения людей необходимыми товарами уже не является проблемой: производится столько, что достаточно всем. На передний план выдвигается другая проблема – проблема сбыта произведенных товаров. На перенасыщенном товарами рынке человек превращается в потребителя (консьюмера). Если раньше он приобретал товар, чтобы извлечь из него пользу (логика потребительской стоимости) или обменять на другой товар (логика меновой стоимости), то теперь он покупает вещь, чтобы продемонстрировать свое социальное положение (знаковая логика). Как только становится возможным присвоение предмета в процессе обмена в качестве стоимости (полезной, товарной или статусной), происходит «редукция символического обмена», что означает установление во всех сферах жизни экономического порядка. Таким образом, получается, что кроме символической логики все остальные являются логиками стоимости. При этом раз стоимости постоянно перетекают одна в другую, их коды являются связанными, они составляют вместе одну цельную форму, противопоставленную форме символического обмена, и эта форма – форма политической экономии. Знак и товар тождественны, поскольку они являются структурными элементами одной и той же целостной системы политической экономии (см. рис. 1, сост. по [68]). Логика этой системы не приемлет логики символического обмена, уничтожает его. В мире стоимостей символическому обмену, единственной «нестоимости», просто нет места.

Несмотря на то, что Гофмана не интересуют проблемы социального неравенства, «социолог массового общества» (Абельс) случайно встречает Маркса в супермаркете (который, кстати сказать, является в постмодернистских обществах тотальным институтом в смысле Фуко). По мере развития капитализма происходит разделение социальной жизни на публичную и приватную сферы, причем первая вследствие роста городов заполняется незнакомцами. Для того чтобы минимизировать последствия возможных столкновений между незнакомыми людьми развиваются правила «поведения в общественных местах». Представление себя превращается в средство оценки первых встреч с другими с точки зрения их потенциальной стоимости. К примеру, коммерческие отношения формируются по модели «продавец-покупатель», романтические – по модели «супруг-супруга» и т.д.

Управление впечатлениями становится интегральной чертой повседневной жизни.



где: ПС – потребительская стоимость;
 ЭМС – экономическая меновая стоимость;
 МЗС – меновая стоимость / знак;
 СО – символический обмен.

Рисунок 1 - Соотношение общей политической экономики и символического обмена (Ж.Бодрийяр)

Гофману часто вменяют в вину пропаганду мошенничества и обмана в повседневной жизни.¹³ Однако его персонажи – это не группы коварных обманщиков, стремящихся к управлению впечатлениями ради собственной выгоды, а рядовые участники социальной жизни, подчиняющиеся порядку взаимодействия и вынужденные балансировать между требованиями индивидуального и социального начал своей природы. Формы самопрезентации и «ритуалы взаимодействия»

¹³ Один из ярчайших примеров – критика А. Гоулднера [51, с. 431-443].

социализированы в обществах позднего капитализма. Требования, предъявляемые к индивидуальному поведению, предстают как внешняя сила. Гофман описывает формы «отчужденного взаимодействия» и личностей, сформированных социальным порядком, который основан на потребительских отношениях. Таким образом осуществляется фреймирование его работы в контексте возникновения общества потребления [69, р. 113-115].

В обществах позднего капитализма все социальные отношения коммодифицированы, в том числе повседневное взаимодействие и даже сама индивидуальность человека. Постмодернистские трактовки социологии Гофмана больше всего сфокусированы на деконструкции личности [70, р. 34-35]. Следуя теории знаков Бодрийяра, критики обнаруживают трансформацию самости в знак. Человек начинает *значить* что-то для других людей, становится живой репрезентацией моды, определенных политических убеждений или власти. Люди больше ориентируются на смыслы и значения, которые создают потребление и реклама, чем на значение реальных взаимодействий. Скажем, не имеет значения, *действительно* ли умеет человек снимать на антикварную широкоформатную камеру, аватарка с этим фотоаппаратом в социальной сети создает образ хипстера, на основании которого строится дальнейшее взаимодействие. Личность теряет свой онтологический вес, поскольку она теперь – не более чем инструмент обмена знаками.

Представление Гофманом социального взаимодействия как драматургического спектакля хорошо ложиться на эту идею. Люди меняют социальные маски, за которыми нет собственного лица, но это не важно, потому что процесс презентации никогда не прекращается. Принимая во внимание допустимость подобных толкований, стоит отметить, что в них не раскрываются отношения между аутентичным социальным миром, где осуществляется символический обмен, и его отчужденным знаковым подобием. Драматургическая концепция Гофмана находит широкое применение в интерпретации его как предвестника постмодернизма, тогда как семиотическая сторона отношения между порядками реальности, разрабатываемая Гофманом в поздних работах, остается в тени. Тем не менее, на значение этого вопроса обратил внимание еще Джеймисон [71, р. 126]. Далее мы попытаемся исправить этот дисбаланс с помощью обращения к понятию «социальное».

В радикальной трактовке Бодрийяра социальности не существует. В середине XX века общество превращается в совокупность безвольных и безгласных масс,

хаотично взаимодействующих друг с другом в процессе потребления. Социального больше нет; вместо этого увеличивается производство знаков социального. Например, торгово-развлекательный комплекс – симулякр организованного коллективного взаимодействия. Такое критическое переопределение ключевого социологического концепта осуществляется с помощью установления отношений между порядками реальности, в случае Бодрийера – порядками симуляции, характеризующими переход от модерна к постмодерну. Существует четыре порядка симуляции реальности, отражающие последовательные фазы изменения отношения «знак-реальность» [1, с. 86]:

1. Знаки отражают реальность.
2. Знаки искажают, скрывают реальность.
3. Знаки скрывают отсутствие реальности.
4. Знаки никак не связаны с реальностью, замкнуты друг на друга.

Бодрийера и Гофмана объединяет тезис о том, что социальная реальность в своем онтологическом статусе представляет собой совокупность копий, не имеющих оригиналов. В аналитической социологии повседневности, к которой относится и Гофман, повседневная жизнь существует наряду с другими порядками, такими как наука, искусство, безумие, игра, сон и т.д. Релятивистская программа (Г. Бейтсон, И. Гофман) лишает повседневность абсолютного авторитета и помещает ее в один ряд с другими «реальностями», т.е. приравнивает «копии» к оригиналу в смысле онтологического статуса. Как уже отмечалось выше, переход между этими слоями реальности осуществляется в теории фреймов с помощью механизмов переключения и рефрейминга. Однако то, каким образом они связаны между собой в более чем одном переходе, представляет собой проблему. Бейтсон указал на феномен нетранзитивности событий, суть которого заключается в следующем. Если событие А означает событие В, а событие В – событие С, событие А не обязательно будет означать событие С. Благодаря свойству нетранзитивности границы событий остаются устойчивыми.¹⁴ Предположим, маленький ребенок проголодался, и от этого начинает плакать. Событие «плач» означает голод младенца. В то же время голод детей может означать мировое социальное неравенство. При этом нет однозначной связи между ревом ребенка и структурой общества. Сейчас придет мать и накормит малыша.

¹⁴ Подробнее о проблеме нетранзитивности в социологии повседневности см. [72, с. 161-167].

Попробуем соотнести порядки реальности Гофмана с порядками симуляции Бодрийяра. На рис. 2 показаны слои симуляции по Бодрийяру. Красной точкой и цифрой 0 обозначено то место, где находится оригинал / реальность. Оранжевым кругом и цифрой 1 показан первый слой симуляции. Здесь еще ощущается влияние реальности. Дальше цвет перемещается в зеленый спектр, и связь с оригиналом уменьшается - мы движемся в сторону гиперреальности. Это движение показано малиновой стрелкой.

Проблема нетранзитивности есть феномен прерывания цепочки означаний. В представленной схеме связь между реальностью и знаком полностью обрывается уже на третьем кольце. Невозможность связать порядки воедино, что для нас означает невозможность решить проблему нетранзитивности, приводит теоретическую логику Бодрийяра к неутешительному выводу о «конце социального». Получается, попытка установления соотношения порядков привела к решению об отсутствии какой бы то было связи между ними и, затем, к дискредитации социальных наук.

В синей точке на рис. 2 находится наблюдатель. Он пытается докопаться до оригинала, но в силу несовершенства используемых им инструментов (обусловленное тем, что они также представляют собой симулякры), может перемещаться только вдоль синей вертикальной линии. На самом деле синей линии не обязательно быть ни вертикальной, ни прямой. Она может иметь излом в любом месте или наклон на любой угол. Но она всегда будет перпендикулярна границе с «областью наших заблуждений». Рисунок показывает, что перемещаясь по этой линии, исследователь никогда не достигнет красной точки. Области белого и черного цвета разграничивают порядки симуляции 1-2 («то, что кажется нам реальным») и 3-4 («область наших заблуждений»). Когда цепочка означаний прерывается, наблюдатель начинает создавать различные чудовищные образы, выраженные длинными умными словами, и связанные с реальностью чуть меньше, чем никак. Такой негативный результат ничего не дает.

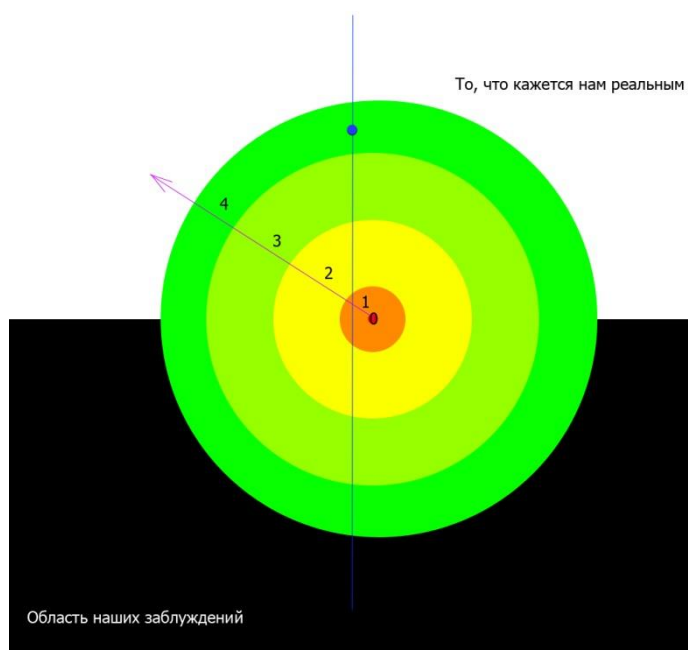


Рисунок 2 - Теория симуляции реальности Ж. Бодрийяра

В то же время, если мы не можем сказать, каким именно образом связаны между собой события, у нас еще недостаточно оснований в принципе отрицать связь между ними. В. Вахштайн выдвигает гипотезу о том, что мы не можем проследить цепочки означаемых, потому что события могут быть связаны между собой разными типами знаков. Например, событие во фрейме, который переключается, в теории Гофмана связано с событием в переключенном фрейме отношениями иконического означания. Однако возможны и другие варианты перехода. Отношения между порядками симуляции 1-4 нетранзитивны, потому что подразумевают различный тип связи знака и реальности: отражение, искажение, скрывание, отсутствие связи.

Таким образом, в постмодернистских трактовках теории Гофмана мало эвристического потенциала, потому что все может быть сведено к замкнутой сфере знаков. Это немного дает для понимания проблемы связи, отношения. В языке постмодернизма природа, общество и дискурс представляют собой непроницаемые области, которые «формируют ужасающий образ нововременного мира: абсолютно выхолощенные природа и техника; общество, состоящее только из отражений, ложных подобий, иллюзий; дискурс, конституированный только эффектами смысла, оторванными от всего остального. Есть от чего прийти в отчаяние» [9, с. 131]. В следующем разделе мы обратимся к акторно-сетевой теории и посмотрим, какие позитивные импликации это будет иметь для решения нашей проблемы.

2.2 Перспектива немодернизма

2.2.1 Б.Латур и проблема гибридов

Латур использует теорию фреймов Гофмана для построения собственной, но при этом расставляет акценты совершенно иначе. «Взаимодействие выражается в противоречивых формах: оно представляет собой систему фреймов (которая ограничивает интеракцию) и сеть (которая распределяет одновременность, близость и «персональность» взаимодействий)» [48, с. 83]. На основании представления о гофмановском понятии фрейма Латур создает различие фрейм/сеть - framework/network.¹⁵ Последовательно разберем содержание этих парных концептов.

Согласно тезису об «изоморфизме восприятия структуре воспринимаемого» [53, с. 86], фреймы являются не только интерпретативными схемами, но и самой «матрицей событий», своим собственным содержанием. Когда я поворачиваю на Садовое кольцо, я еду в итоге именно туда, куда мне нужно, не только потому, что я распознаю эту улицу как «Садовое кольцо», но и потому что это действительно Садовое кольцо. Такая постановка вопроса стала одним из главных постулатов гофмановской социологической теории и была названа Г.С. Батыгиным «теоремой Гофмана» (в противоположность знаменитой теореме Томаса): «Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас» [74, с. 7-9]. Соответственно, дуальность фрейма позволяет рассматривать его одновременно в двух модусах. Первый из них предполагает, что фрейм – это оператор, который сидит в голове человека и в каждой новой ситуации отвечает на вопрос «Что здесь происходит?». Это необходимо, потому что деятельность, как уже отмечалось, имеет свойство к переключению. Такие переключения бывают нисходящими, когда происходит переход от несерьезного, игрового восприятия действительности к восприятию действительности как «реального» взаимодействия, и восходящими при обратных изменениях. «По всей вероятности, нет такого вида деятельности, который в процессе своего осуществления не может выходить за установленные рамки и переключаться в другой регистр», - пишет Гофман [53, с. 462].

Вторая перспектива рассмотрения фрейма связана с его пониманием в качестве материального контекста повседневного взаимодействия. Гофман не останавливается подробно на этой стороне вопроса, зато акцент на «вещность фрейма» (Вахштайн)

¹⁵ Здесь и далее изложение осуществляется в том числе с опорой на [73].

делает Латур. Для Латура фрейм – это то, как размечено пространство взаимодействия: расставлена мебель, разложены предметы. Мы не будем танцевать вальс в тесном помещении, доверху заставленном мебелью, если не хотим переломать себе ноги. Материальность фрейма делает одни вещи возможными, а другие нет. Люди *всегда* в той или иной степени вовлечены в материальные контексты взаимодействия. Способ расстановки столов в учебной аудитории оформляет способ взаимодействия между преподавателем и студентом, на что любят указывать теоретики невербальной коммуникации (особенно те, кто занимаются проксемикой). Двери и стены, различные материальные предметы, локализуют взаимодействие, давая возможность людям общаться «лицом-к-лицу», когда «рядом со мной нет моей семьи, коллег или начальников, дышащих мне в затылок» [48, с. 86].

Введение парного концепта необходимо Латуре, для того чтобы связать микро- и макроуровни анализа. «Макро есть не что иное, как легкое расширение микро» [27, р. 7], - данным тезисом он помещает малое и большое в одну плоскость. Сеть – это то, что распространяет взаимодействие в пространстве и времени с помощью материального опосредования. В текущей ситуации действия мы всегда обнаруживаем себя связанными с огромным количеством мест, времен и других действий. Мы разговариваем по телефону с человеком, который находится в *другом городе*. Мы ищем в интернете информацию о мероприятиях, которые будут *завтра* проходить в нашем районе. Мы живем в доме, который *кто-то построил* задолго до того, как мы там поселились. Здесь снова материальные объекты играют ключевую роль. Телефон обеспечивает одновременность взаимодействия, интернет – его преемственность, а через дом мы оказываемся связанными со всей системой строительства. Вещный мир глобализирует взаимодействие.

Снова воспользовавшись гофмановскими различиями, можно нарисовать следующую матрицу (см. таблицу 3). Поскольку поток причинения между связанными элементами течет вперед и назад, для Гофмана между порядками реальности существует двунаправленное движение через переключение фрейма. Латур связывает микро- и макро порядки с помощью дихотомии фрейм/сеть, которая основана на материальных предметах, глобализирующих и локализующих взаимодействие. Здесь мы еще раз увидели, как теория Гофмана была использована в качестве ресурса для соединения различных уровней анализа. Теперь обратимся к переопределению концепта социальности.

Если Бодрийяр заканчивает тезисом о конце социального, то Латур, следуя за мыслью Тарда, начинает с этого. Большой ошибкой, считает Латур, было мыслить социальное определенного рода субстанцией, как это делал Дюркгейм. Поступать таким образом означает объяснять реальность через то, что само должно быть объяснено. Не следует начинать с социального - это то, к чему мы должны прийти. «... социальное указывает не на вещь среди других вещей, словно на белую овцу среди черных овец, а на *тип связи* между вещами, которые сами по себе не социальны» [75, р. 5]. В данном высказывании акцентированы два момента: во-первых, значение самих связей, во-вторых, то, что связывается.

Таблица 3 - Связывание микро- и макроуровней анализа

	Low	High
Forward	восходящее переключение / первичные системы фреймов	глобализация / сеть (network)
Backward	нисходящее переключение / вторичные системы фреймов	локализация / фрейм (framework)

Латур критикует постмодернизм в первую очередь за то, что адепты этого философского направления полностью устраняют связи между порядками реальности как таковые. Как мы увидели в первом разделе, у Бодрийяра это разделение между знаками и действительностью. В результате они получают выхолощенные миры, ведь именно связи между ними обеспечивают их жизненность. Велосипед без человека становится просто грудой металла, а почтальон Печкин без велосипеда – злым и вредным. Когда они вступают в отношения друг с другом, образуется социальное. Дьюи в труде «Опыт и природа» выражает схожую мысль: «смысл...сущностей есть следствие социальных взаимодействий, товарищества, взаимопомощи, руководства и координации действий в борьбе, веселье и работе» [56, р. 289]. Решающим значением для Латура обладает работа по установлению связей. Она требует больших усилий и времени.

Действующими лицами в социальной жизни являются сети, представляющие собой соединение разнородных человеческих и нечеловеческих элементов. В случае соединения образуется ассоциация. Устойчивость сети зависит от способности ее звеньев преодолевать трудности и препятствия. Если какое-то из звеньев цепи рвется,

она может распасться. «Социальное» кончается вместе с исчезновением ассоциации. Латур, как и Бодрийяр, полагает, что разрыв связей ведет к концу социального. Однако Бодрийяр относился к социальному как к субстанции, поэтому он не смог связать воедино распадающиеся в его теории миры. Как и в случае с эпистемологической позицией Гофмана, в социологии Латура субстантивируются сами отношения. «... за теми типами деятельности *ничего нет*, даже несмотря на то, что они могли бы быть соединены таким способом, который действительно производит общество – *или не производит* оно» [75, р. 8] (курсив в оригинале). С помощью использования сетевой метафоры ему удастся описывать не процесс перехода от социального к его отсутствию, а *степень социальности*, которая может колебаться в зависимости от пространства, времени и осуществленной работы связывания.

Перспектива постмодернизма основана на идее перехода от одного типа общества к другому. Задачей такого рода теоретизирования о социальных изменениях является выявление тенденций, ведущих к трансформации старого общества и превращению его в новое. Латур предлагает перенести указанную проблему на более высокий уровень абстракции. Давайте отвлечемся от того, что нам несет конкретика исторического процесса. Давайте не будем больше рассматривать тенденции социальных изменений. «Давайте перестанем все время двигаться вперед» [9, с. 129]. Вместо этого следует обратиться к тому, что все время было в обществе, но что не замечали. Необходимо полностью избавиться от дихотомии субъекта и объекта, разделяющей социальный и природный миры. Человек со всей своей субъективностью есть чистая абстракция, потому что любое действие или взаимодействие осуществляется в окружении огромного числа объектов. Равным образом, вещи не существуют вне человека, потому что они навсегда спаяны как со своими создателями, так и с теми, кто их использует или с ними сталкивается.^{16*} Вместе люди и вещи составляют действующие гибриды: квази-объекты или квази-субъекты. Если мы учитываем действующую силу гибридов, мы становимся ненсовременными и открываем социальную науку заново.

¹⁶ Согласно Латуре, материальные объекты распространяют взаимодействие не только в пространстве и времени, но и в актанном измерении. Это означает, что в любом объекте в свернутом виде всегда присутствуют отношения со своими создателями. Взаимодействуя с материальным предметом, мы одновременно взаимодействуем и с ними. «Подобно пастуху, все, что я должен сделать, – это делегировать деревянному забору задачу сдерживания моего стада – только тогда я могу пойти поспать рядом со своей собакой. Кто действует, пока я сплю? Я, плотники и забор» [48, с. 92].

В силу того, что связи между человеческими и нечеловеческими элементами настолько тесные, что их невозможно отделить друг от друга, действующих лиц Тард вслед за Лейбницем называет монадами, а Латур – актантами. Актантом может быть все что угодно: человек, идея, стол, таблица растворимости, пушистый кот. Нельзя говорить о социальной реальности в чистом виде, потому что общество представляет собой «глобальный гибрид» (Урри) человеческого и нечеловеческого. Даже обычный мобильный телефон не должен быть проигнорирован при социологическом анализе, т.к. он, по сути, является «зондом» (Латур), продолжением тела человека, выступает средством построения новых социальных связей или проводником смыслов и значений (айфон, например). Эта двойная функция вещи (непосредственная и знаковая) позволяет модифицировать теорию симуляции Бодрийяра таким образом, чтобы связать мир знаков с реальностью.

В теории Бодрийяра отношение к реальности – суть симуляция. Если мы заменим Джоконду в Лувре на ее копию, никто из посетителей не заметит подвоха. Реальной Джоконды не существует – есть симулякр «Джоконда в Лувре». В мире постмодерна не важно, что именно висит в музее. Но если опуститься на несколько уровней симуляции ниже, расхождения реальностей станут заметными. Например, если положить в ящик с инструментами стеклянный молоток, а потом попытаться забить им вполне стальной гвоздь. Как бы мы ни относились к этому молотку, от удара по гвоздю он разлетится в осколки. Очевидно, что на низком уровне симуляции (оранжевый круг на схеме 3) связь с реальностью является более заметной. Отличить настоящую Джоконду от подделки могут немногие (и то не факт, что могут). Забивать гвозди стеклянным молотком будут только люди не в себе или социологи.

Тем не менее, и на высоких уровнях симуляции связь знаков с реальностью никуда не пропадает. Покупая айфон вместо обычного мобильного телефона, мы, возможно, создаем образ престижного потребления (и то не факт, что создаем). Однако это стало возможным только благодаря материальному предмету. Даже если я в действительности не умею фотографировать на антикварную среднеформатную камеру, я могу создавать требуемый образ, когда она со мной. Ничего бы не получилось, если бы на плече не болтался этот маленький железный ящичек. Разумеется, на более высоких уровнях симуляции в действие вступают и другие механизмы. Если стеклянный молоток лежит в музее современного искусства, нам не важно, что мы не сможем забить им гвоздь. В данном контексте становится

справедливым высказывание Гофмана о равнозначном статусе копии и оригинала [53, с. 677].

В то же время эти механизмы не могут быть запущены в отсутствие материального опосредования. Если я в белом халате буду рассказывать с телеэкрана, что «проблема нетранзитивности» - это симптом психологического расстройства, то многие поверят, а некоторые даже найдут его у себя. В данной ситуации формируемый мной знак искажает реальность. Однако даже само это искажение, создание знака, требует наличия не только белого халата, но и телевизоров, которые транслируют его через пространство и время. Как пишет Латур: «Символы не фундаментальны. Когда у них есть прочное основание, когда когнитивные способности достаточно инструментализированы и сильны, тогда, возможно, есть смысл придавать им такое значение, но не раньше» [48, с. 87]. Получается, разница между порядками симуляции состоит не в нарушении связи между знаками и реальностью, как считал Бодрийяр, а в том, что на более высоких уровнях символы уже настолько укорены в материальном мире (это значит, что им не нужно больше обнаруживать, манифестировать свою материальность), что могут действовать (относительно) самостоятельно. Когда Латур выбирает в качестве универсального посредника связывания пространственных, временных и актантных порядков материальный объект и при этом ставит во главу угла сами связи, вещный мир в силу своей посреднической роли автоматически вытягивается на первый план. С помощью предпринятых переопределения социальности, связывания микро- и макроуровней анализа через концептуализацию гибридного мира Латур соединит порядки реальности, которые в постмодернистской теории были отделены друг от друга.

2.2.2 Дж. Ло и проблема потоков

Переход от субстантивистской к релятивистской позиции в социологическом объяснении, осуществляемый даже имплицитно, вызвал к жизни так называемый «отношенческий поворот» (relational turn) [56]. Одной из отличительных черт этого поворота является смещение акцента со статичных связей между субстанциями в направлении концептуализации непрерывно развертывающихся процессов. То есть сами отношения мыслятся как преимущественно динамичные по природе своей. Эта динамичность в современной социологической теории схватывается, как правило, в понятии потока [76]. В частности, Ло, вместе с Латуром разрабатывавший акторно-сетевую теорию, вводит данный концепт с целью критики сетевой метафоры.¹⁷

Латуровское различие framework/network приводит к тезису о множественности пространств в том смысле, что существует «пространство сетей», отличное от «пространства мест». Ло выделяет три социальных топологии: регионы, сети и потоки. Гофмановский фрейм, взятый Ло в трактовке Латура, становится регионом. Регион есть не более чем ограниченное физическое пространство. Такая «подмена» концепта позволяет Ло ввести еще одно измерение – перемещение в пространстве или его отсутствие, мобильность или иммобильность: «конституирование объектов с необходимостью предполагает включение пространственных отношений» [25, с. 33]. Сеть как форму пространственности Ло характеризует с помощью латуровского понятия «неизменной мобильности».

Неизменная мобильность, по Латуре, есть «перемещение без деформации» [77]. Важнейшей чертой сети является ее относительная устойчивость. Она распространяет взаимодействие в пространстве и времени с помощью материального опосредования. Это требует усилий и времени. «Паровой мотор из Ньюкасла породил железную дорогу, но никто не ожидал, что паровозы будут ездить без рельсов» [78, с. 257]. По мнению Ло, ядро устойчивых отношений между элементами сети (для железнодорожного сообщения как минимум между поездами и рельсами, машинистами и пассажирами, системами остановок и касс и т.п.) обеспечивает ее гомеоморфность¹⁸, т.е. гарантию того, что поезд, выехавший из точки А по прибытию в точку Б останется тем же самым поездом. Если он сломается по дороге, если рельсы закончатся, если

¹⁷ Здесь и далее изложение осуществляется с опорой на [25].

¹⁸ Понятие, заимствованное Ло из топологии. Оно означает сохранение непрерывности формы фигуры без разрыва или повреждения ее поверхности.

машинист объявит забастовку, поезд не только не достигнет точки Б, но и перестанет быть поездом, потому что не сможет выполнить делегированные ему функции.

Поскольку сети обеспечивают перемещение в физическом пространстве элементов реальности (идей и их материального воплощения), их структура требует некоторой доли унификации людей, предметов, действий или событий – определения необходимого и достаточного количества элементов, вступающих в отношения. Сети стремятся к унификации своих операций и структур, чтобы достичь сходных результатов для всей сети в целом. Как отмечает Латур, для того чтобы растянуть свою сеть на внешний мир, Пастеру понадобилось на фермах полностью воссоздать свою лабораторию. Сеть Пастера еще более расширяется, когда его лаборатории воссоздаются повсеместно на каждом молокозаводе, пивзаводе или сыроварне [Там же, с. 247-252]. Это требует создания предсказуемой, стандартизированной среды, которая описывается системой отношений между элементами, поддающимися подсчету. Иными словами, мы можем выделить и назвать те отношения (ядро), без которых сетевой объект перестанет существовать.

Однако существуют объекты, для которых невозможно обозначить ядро устойчивых отношений. В качестве примера Ло приводит зимбабвийский втулочный насос. Материалы, из которых он делается, практики его использования, чистота качаемой им воды варьируется от местности к местности. Это важно, потому что он сохраняет свою устойчивость как объект именно благодаря изменениям. Это «изменчивая мобильность», поток. Создатель насоса, г-н Морган, вовсе не пытается в точности воспроизвести черты своего изобретения в другом пространстве, как это делал Пастер. Напротив, такая установка привела бы к провалу данного проекта, потому что, как отмечает Морган, «все новое и незнакомое попросту не работает, а яркие и сверкающие приспособления превращаются в груду ржавой и бесполезной техники» [25, с. 38].

Если регионы маркируются наличием границ, а сети – отношениями между элементами, то потоки не обладают никакими атрибутами, которые могли бы свидетельствовать об их стабильности. В результате может показаться, что потоки не являются устойчивыми, но они только не являются устойчивыми, *как сети или регионы*. Их устойчивость определяется не просчитываемостью, закрепленной в пространстве и времени, а постоянным движением. Таким образом, можно говорить о том, что потоки представляют собой сети в постоянной реконфигурации. Критика Ло,

соответственно направлена не против сетевой метафоры как таковой, а против того, что потоки часто рассматриваются как «сломанные» сети, тогда как на самом деле это другая форма пространственности, предполагающая иной тип отношений.

Что, в сущности, делает Ло? Он разбивает латуровскую дихотомию *framework/network* превращением понятия «фрейм» в «регион». Затем он проводит свое собственное различие – континуум сеть-поток, полюса которого отличаются степенью изменчивости. При этом тезис об изоморфизме, введенный Гофманом, был забыт, вследствие чего семиотическое содержание фрейма было изъято из рассмотрения. В то же время фрейм как схема интерпретации поддерживает смысловую устойчивость ситуации, и в этом отношении он подобен сети. Фрейм как материальная форма локализует взаимодействие, делает его иммоильным в том смысле, что оно замыкается в пространстве и времени. На этом этапе можно предположить тождество между микро- и макроуровнями анализа и различием иммоильное/мобильное.

Одновременно фрейм подобен потоку. Во-первых, поскольку повседневная жизнь многослойна, устойчивость ситуации обеспечивается механизмами переключения, изменяющими исходную схему интерпретации. Следовательно, изменение необходимо для сохранения целостности социального порядка. Во-вторых, в случае сбоя во взаимодействии, рефрейминга исходный фрейм полностью разрушается, и интерпретация ситуации радикально меняется, перестает быть гомеоморфной. В-третьих, граница фрейма жестко не фиксирована. До какой степени должно измениться событие, чтобы мы перестали его считать встречей друзей, а стали понимать как политическую демонстрацию? Наконец, несмотря на размытость границ фрейма, они все-таки есть, что обеспечивает преемственность ситуации в сетевом пространстве.

Получается, фрейм изменчив и неизменен одновременно. Он одновременно связан с пространством сетей и пространством потоков. Для того чтобы вернуть его в рамки теоретизирования о социальных отношениях, начертим матрицу, объединяющую различия фрейм/сеть и сеть/поток (см. таблицу 4). Для того чтобы различать фрейм как неизменность и фрейм как изменчивость, назовем первый из них формой, а второй в силу сложившегося в отечественной социологии противопоставления назовем практикой.¹⁹ Фрейм-форма обеспечивает локализацию взаимодействия с помощью

¹⁹ Про концептуализацию фрейма в качестве формы (*shape*) – материальных границ события - у Латура см. [72, с. 19-63].

материального опосредования (форма) и поддерживает его гомеоморфность в пространстве сетей (фрейм). Связка фрейм-практика кажется нам удачной, т.к. понятие практики основано на метафоре недифференцированного потока, а «... четкое разграничение пространства, времени и контактов/столкновений с другими объектами возможно только в пространстве «неизменчивых мобильностей» [73, с. 111]. Практика – это бессубъектное и безобъектное делание, т.к. выделение субъекта и объекта предполагает взгляд со стороны, дистанцию. Для описания практик метафора потока, непрерывного перетекания одних действий в другие представляется наиболее подходящей. «Текущие объекты создаются практиками» [25, с. 38-39].

Таблица 4 - Способы социологической концептуализации связи порядков

	Иммобильность	Мобильность
Неизменная	фрейм / форма (shape)	сеть
Изменчивая	фрейм / практика	поток

Таким образом, принимая во внимание гофмановский тезис об изоморфизме, можно с помощью ресурсов акторно-сетевой теории связать микро- и макроуровни анализа (иммобильность-мобильность), а также выделить четыре способа социологической концептуализации связи между порядками реальности. Сеть и фрейм-форма обнаруживают наличие связи через ядро устойчивых отношений между элементами взаимодействия. Поток и фрейм-практика акцентируют динамический аспект этих отношений. Метафоры, вводимые с помощью последних двух категорий, направлены та то, чтобы подчеркнуть устремленность, направленность, изменчивость во времени (или темпоральность) современных социальных структур. Если мы используем метафорику потоков, то язык социологического описания меняется следующим образом: мы исследуем не действия, а коммуникации (Луман); не социальное, а ассоциацию (Латур); не общество, а мобильности (Урри).

2.3 Выводы

Стирание границы между микро и макро, а также переопределение социальности приводит к актуализации роли технологий в повседневной жизни. В сущности, технологии становятся неотъемлемым элементом любого микросоциологического анализа. В результате поворота к материальному проблематизируется центральная категория микросоциологии - «социальная ситуация», понятая как физическое соприкосновение двух и более индивидов. Во-первых, бурное развитие коммуникационных технологий создает большое количество ситуаций, в которых взаимодействие «телом к телу» не является конститутивным элементом. Во-вторых, что еще важнее, внимание к материальным объектам как к необходимой составляющей социальной жизни побуждает представлять любое взаимодействие в качестве опосредованного. Даже в ситуации телесного соприкосновения люди, как правило, оперируют огромным количеством материальных предметов, соединяющих данное событие с множеством событий за его пределами. Когда дети кружатся на карусели, способ их взаимодействия во многом определяется ее технологической конструкцией, которая была придумана, спроектирована и протестирована задолго до этого момента [38].

С возникновением и развитием современных телекоммуникационных технологий категории ситуации «здесь и сейчас» и «лицом-к-лицу» подвергаются аналитической переработке. Это развитие разделяет понимание опосредования на две категории, которые мы назовем структурной и коммуникативной медиацией. Первая отражает последствия материального поворота в исследовании повседневных взаимодействий – учет материальных аффордансов и ограничений среды [79]. Вторая позволяет отграничить структурные характеристики взаимодействия от новых коммуникационных технологий, позволяющих взаимодействовать, несмотря на пространственно-временные ограничения.

Как мы уже сказали выше, проведенные в акторно-сетевой теории различения между виртуальным и материальным плохо работают с современными коммуникационными технологиями, потому что в описании Латура они подпадают под разряд художественной литературы, способ референции в которой (делегирование) предполагает одновременное присутствие в нескольких пространствах. Способ референции, характерный для технологий (фабрикация), специфичен именно тем, что

он запрещает свободный выбор между направлениями референции. Получается, метафора присутствия / отсутствия, которую мы использовали для концептуализации виртуальности в акторно-сетевой теории, не подходит для концептуализации современных технологий коммуникации. Тем не менее, данная метафора является центральной и для микросоциологии, изначально формировавшейся вокруг идеи соприсутствия (co-presence). Корректировка названного различия применительно к современным коммуникационным технологиям представляется перспективной задачей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении кратко обобщим полученные результаты.

Акторно-сетевая теория отрицает как антропоцентрический, так и вещецентрический взгляды на природу технической деятельности человека. В акторно-сетевой теории соотношение между виртуальными и материальными компонентами социологического описания концептуализируется как их взаимопроникновение, что обусловлено фундаментальной философской предпосылкой ANT – приписыванием агентности не-человеческим акторам. В акторно-сетевой теории выделены два способа концептуализации виртуальности, оба основанные на метафоре присутствия / отсутствия. Первая актуализирует дихотомию виртуальное / актуальное и рассматривает виртуальное как отсутствие, а материальное как присутствие. Вторая работает с дихотомией виртуальное / реальное и трактует виртуальное как присутствие, а материальное как отсутствие. Названные трактовки не противоречат друг другу, потому что они относятся к разным областям анализа.

Способы социологической концептуализации связи порядков в контексте поворота к материальному и исследования процессов виртуализации разбирались с точки зрения гофмановской релятивистской эпистемологической позиции, которая утверждает примат отношений, связывающих разного рода субстанции или порядки. На основании выполненного анализа мы смогли провести ряд различий, описывающих различные способы, или формы, связывания порядков. Основные выводы, резюмирующие проделанную работу, следующие.

Связь «микро-макро».

А) В постмодернистской трактовке социологии Гофмана (Ханкок и Гарнер) связь между микро- и макроуровнями реальности осуществляется через понятие нормативного порядка.

Б) В акторно-сетевой теории Латура связывание микро- и макроуровней анализа опирается на использование понятия «фрейм», однако происходит его реинтерпретация с помощью акцентирования роли физического мира для социологического анализа.

2) Социальность.

А) Реляционистская эпистемологическая позиция, присущая Гофману (акцент не на порядках реальности, а на том, как они связаны), разделяется теми социологами, которые пытаются революционизировать дисциплину (курс на обновление языка

дисциплины). Это осуществляется с помощью придания нового онтологического звучания указанному эпистемологическому решению, либо в слабом варианте («конец социального» у Бодрийяра), либо в сильном (переход к понятию ассоциации у Латура).

Б) Бодрийяра и Гофмана объединяет тезис о том, что социальная реальность в своем онтологическом статусе представляет собой совокупность копий, не имеющих оригиналов. Однако если для Гофмана это означает помещение повседневного мира в один ряд с другими порядками, связанными между собой отношениями иконического означания, Бодрийяр постулирует принципиальное отсутствие связи между миром знаков и реальностью. Субстанциональное отношение к социальному приводит к тому, что идея связи полностью устраняется, в результате чего делается вывод о его конце. Данный тезис был подвергнут наиболее острой критике со стороны Латура.

В) В социологии Латура субстантивируются именно отношения. С помощью использования сетевой метафоры ему удастся описывать не конец социального, а *степень социальности*, которая может колебаться в зависимости от пространства, времени и осуществленной работы связывания. Более того, акцент делается на гибридной природе мира, в котором в действии объединяются природные и социальные объекты – актанты.

Г) Социология вещей Латура позволяет модифицировать теорию симуляции Бодрийяра таким образом, чтобы связать мир знаков с реальностью. На низких уровнях симуляции знаки напрямую зависят от материальных объектов, потому что здесь может быть легко осуществлено их «тестирование». На высоких уровнях симуляции знаки относительно отделены от своей материальности, что делает их активными агентами действия (симуляции).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений, 2002.
- 2 Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб: Петербургское востоковедение, 2002.
- 3 Kroker A. Data trash. – New York: St. Martin's Press, 1994. – 165 p.
- 4 Castells M. The rise of the network society. – Chichester West Sussex, Malden MA: Wiley-Blackwell, 2010. – lvii, 597.
- 5 Baudrillard J. The illusion of the end. – Cambridge England: Polity Press, 1994. – viii, 123 ;
- 6 Robertson R. Globalization theory 2000+: major problematics // Handbook of social theory / ed. B. Smart, G. Ritzer. – London, Thousands Oaks Calif.: SAGE, 2001. – P.458–471.
- 7 Beck U. What is globalization? – Cambridge UK, Malden MA: Polity Press, 2000. – vii, 180 ;
- 8 Константинова М.В. Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий // Социология власти. – 2015. – №1. – С.90–107.
- 9 Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2006.
- 10 Вахштайн В.С. "Поворот к материальному": тридцать лет спустя // Социология власти. – 2015. – №1. – С.8–16.
- 11 Вахштайн В.С. К социологии академического мира // Социология власти. – 2015. – №3. – С.8–12.
- 12 Вахштайн В.С. Социология вещей и поворот к материальному в социальной теории // Социология вещей: Сборник статей / ред. В. С. Вахштайн. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С.7–39.
- 13 Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория как методологический проект // Антропологический форум. – 2015. – Т.24. – С.43–50.
- 14 Делез Ж. Логика смысла. – М., Екатеринбург: Раритет; Деловая кн, 1998. – 472 с.
- 15 Греймас А. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / ред. Ю. С. Степанов. – Москва: Радуга, 1983. – С.483–550.
- 16 Латур Б. Пересборка социального. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- 17 Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
- 18 Zourabichvili F. The Vocabulary of Deleuze // Zourabichvili F. Deleuze: a philosophy of the event. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. – P.137–221.
- 19 Напреенко И.В. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. – 2013. – №1-2. – С.75–98.
- 20 Напреенко И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. – 2015. – №1. – С.108–121.
- 21 Latour B. The pasteurization of France. – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1988. – 273 ;
- 22 Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. – 2014. – Т.100, №4. – С.229–248.
- 23 Harman G. Prince of Networks. – Melbourne: re.press, 2009. – 248 p.

- 24 Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.
- 25 Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т.5, №1. – С.30–42.
- 26 Мол А. Множественное тело // Социология власти. – 2015. – №1. – С.232–247.
- 27 Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social // The social in question / ed. P. Joyce. – London, New York: Routledge, 2002.
- 28 Tarde G. Monadology and sociology. – Melbourne: re.press, 2012. – 95 p.
- 29 Малышкин Е.В. О виртуально существе в феноменологии Лейбница // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия «Философия». – 2013. – Т.2, №4. – С.31–38.
- 30 Latour B. Aramis, or, The love of technology. – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1996. – x, 314.
- 31 Law J. Aircraft stories. – Durham NC: Duke University Press, 2002. – ix, 252.
- 32 Лейбниц Г.В. Опыт теодицеи о благодати Бога, свободе человека и происхождении зла // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1989. – С.49–554.
- 33 Latour B. On technical mediation // Common knowledge. – 1994. – Vol. 3, №2. – P.29–64.
- 34 Latour B. Pandora's hope. – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1999. – x, 324.
- 35 Латур Б. Наука в действии. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета, 2013. – 414 с.
- 36 Сивков Д.Ю. Рецензия на книгу «Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013» // Социология власти. – 2014. – №1. – С.248–255.
- 37 Introna L.D., Ilharco F.M. On the Meaning of Screens // Human Studies. – 2006. – Vol. 29, №1. – P.57–76.
- 38 Pinch T. The Invisible Technologies of Goffman's Sociology // Technology and Culture. – 2010. – Vol. 51, №2. – P.409–424.
- 39 Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: Сборник статей / ред. В. С. Вахштайн. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С.199–222.
- 40 Latour B. An inquiry into modes of existence. – Cambridge Massachusetts: Harvard University Press, 2013. – xxvii, 486 pages ;
- 41 van Loon J. Media technology. – Maidenhead, England: Open University, 2008. – 174 p.
- 42 Rettie R. Presence and Embodiment in Mobile Phone Communication // PsychNology Journal. – 2005. – Vol. 3, №1. – P.16–34.
- 43 Knoblauch H. Communicative Constructivism and Mediatization // Communication Theory. – 2013. – №23. – P.297–315.
- 44 Гурвич А. Порядки существования // Социология власти. – 2014. – №1. – С.129–162.
- 45 Latour B. Paris: Invisible City. – Paris: La Découverte, 1998. – 159 p.
- 46 Ерофеева М.А., Лебедева Н.Д. К вопросу о социологической рефлексии: утопии и симметрия // Социология власти. – 2014. – №4. – С.38–57.

- 47 Woolgar S. Five rules of virtuality // *Virtual society?* / ed. S. Woolgar. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2002. – P.1–22.
- 48 Латур Б. Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. – 2007. – Т.6, №2. – С.79–96.
- 49 Ерофеева М.А. Релятивистская программа в социологии: от повседневности к новой онтологии социального // *Социологические исследования*. – 2014. – Т.357, №1. – С.134–137.
- 50 Chriss J.J. Toward an Interparadigmatic Dialogue on Goffman // *Sociological Perspectives*. – 1996. – Vol. 39, №3. – P.333–339.
- 51 Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. – Санкт-Петербург: Наука, 2003.
- 52 Вахштайн В.С. Фреймы классичности. Ирвинг Гофман как "неудобный классик" социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2011. – Т.14, №2. – С.59–84.
- 53 Гофман И. Анализ фреймов. – М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда "Обществ. мнение", 2003. – 750 с.
- 54 Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью Гофман И. – http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/145155/Gofman_-_Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoi_identichnost'yu.pdf.
- 55 Столярова О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот // *Вестник МГУ. Сер. «Философия»*. – 2003. – №3. – С.39–51.
- 56 Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology // *The American Journal of Sociology*. – 1997. – Т.103, №2. – С.281–317.
- 57 Столярова О.Е. Реляционная онтология А.Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация // *Вопросы философии*. – 2008. – №12. – С.84–103.
- 58 Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // *Социологические исследования*. – 2011. – №8. – С.28–37.
- 59 Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // *Международный журнал исследований культуры*. – 2013. – Т.10, №1. – С.93–108.
- 60 Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен // *Социологические исследования*. – 2009. – №12. – С.26–35.
- 61 Weiss P. Modes of being. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1958. – 2 v. (xi, 617).
- 62 Bhaskar R. Scientific Realism and Human Emancipation. – London: Verso, 1986. – 360 p.
- 63 Benton T. Philosophy of social science. – Houndmills Basingstoke Hampshire, New York: Palgrave, 2001. – vii, 203 ;
- 64 Davis M.S. Georg Simmel and Erving Goffman: Legitimizers of the Sociological Investigation of Human Experience // *Qualitative Sociology*. – 1997. – Vol. 20, №3. – P.373–378.
- 65 Hancock B.H., Garner R. Towards a Philosophy of Containment: Reading Goffman in the 21st Century // *The American Sociologist*. – 2011. – Vol. 42, №4. – P.316–340.
- 66 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999? – 12 с.
- 67 Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
- 68 Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – Москва: Академический проект, 2007. – 335 с.

- 69 Langman L. Alienation and everyday life: Goffman meets Marx at the shopping mall // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – 1991. – Vol. 11, №6/7/8. – P.107–124.
- 70 MacCannell D. The descent of the ego // *Beyond Goffman* / ed. S. H. Riggins. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990. – P.19–40.
- 71 Jameson F. On Goffman's Frame Analysis // *Theory and Society*. – 1976. – Т.3, №1. – С.119–133.
- 72 Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та, 2011. – 1 с.
- 73 Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. – 2005. – Т.4, №1. – С.94–115.
- 74 Батыгин Г. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // *Анализ фреймов*. – М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда "Обществ. мнение", 2003. – С.7–57.
- 75 Latour B. Reassembling the social. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. – х, 301 p.
- 76 Иванов Д.В. К теории потоковых структур // *Социологические исследования*. – 2012. – №4. – С.8–16.
- 77 Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // *Common knowledge*. – №6/3. – P.170–191.
- 78 Волков В.В. Теория практик. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 297 с.
- 79 Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном взаимодействии // *Социология власти*. – 2015. – №1. – С.166–180.